

Н.П. Погодаев

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОГО И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА СТУДЕНТАМИ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В ТОМСКЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И БАРЬЕРЫ

Анализируется процесс социализации студентов из Таджикистана в университетах Томска. Формулируется тезис о том, что накопление личного и социального капитала дает возможность молодым мигрантам постепенно вливаться в состав российской гражданской нации. Анализируются барьеры, препятствующие реализации этого процесса. Методологическая основа исследования – теория «социального поля» П. Бурдьё и тезис немецкого социолога Г. Хайнзона о «Youth Bulge» – «молодежном пузыре». Эмпирическая основа – материалы индивидуальных глубинных интервью со студентами из Таджикистана и другими акторами, включенными в рассматриваемый процесс.

Ключевые слова: студенты-мигранты; социальный капитал; «новые русские азиаты»; культурная дистанция; культурный шок; Youth Bulge.

Введение

Университеты Томска привлекают большое количество студентов из-за рубежа, в том числе из стран Центральной Азии. После окончания вузов перед выпускниками встает выбор – вернуться на родину или остаться в России, вливаясь в мультимодальные узлы миграции [1]. В Сибири это прежде всего Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Тюмень. Там им предстоит занять те или иные социальные ниши, соответствующие их образованию и возможностям реализовать свои социальные притязания. В связи с этим в статье используется понятие «новые русские азиаты». Этим термином мы обозначаем выходцев из Центральной Азии, получивших в современной России высшее образование, оставшихся здесь работать и претендующих на вхождение в средние и верхние слои общества, на доступ к дефицитным ресурсам в социальной, экономической, политической сферах. Те, кто сегодня едет учиться в Россию, родились уже в суверенной Республике Таджикистан [2], постепенно все больше и больше отличающейся от Таджикской Советской Социалистической Республики в составе СССР. И хотя до сих пор страны СНГ многими воспринимаются как часть условно единого культурного пространства, реалии говорят об ином положении дел. В Россию из Таджикистана едет молодежь, выросшая уже в иной культуре и потому стоящая перед проблемой адаптации и социализации в культуре принимающего сообщества. Одним из наиболее важных компонентов адаптации таджикских студентов является освоение ими русского языка – устного, письменного и аргументированной специальности, как средства погружения в культуру принимающего сообщества [3]. Таджикско-русский билингвизм, сформировавшийся за время вхождения таджиков в состав Российской империи и Советского Союза, претерпевает сегодня значительные изменения. Нынешнее поколение молодежи знает русский гораздо хуже, чем старшие поколения страны [4]. Выбор – вернуться на родину или остаться в России – гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Связывая свое будущее с Россией, молодые люди встают перед серьезной проблемой – стать частью ее гражданской нации или оказаться здесь в этническом гетто. Рынок труда, на который они с неизбежностью выходят, бо-

лее жесток, нежели университетское пространство, с которым они ассоциировали Россию на протяжении своих студенческих лет [5].

В качестве методологической основы исследования используется широкий круг теоретических подходов к анализу динамики культурной дистанции между народами. В данной статье приоритет отдан теории «социального поля» французского социолога П. Бурдьё и тезису немецкого социолога Гуннара Хайнзона о «Youth Bulge» – «злокачественном демографическом приоритете молодежи».

Эмпирической основой исследовательского проекта, в рамках которого написана данная статья, являются материалы индивидуальных глубинных интервью, проводимых автором публикации со студентами из Таджикистана, обучающимися в университетах Томска, руководителями таджикской диаспоры города, таджиками, живущими в других городах России, сотрудниками томских университетов и другими представителями принимающего сообщества. Материалы интервью цитируются с сохранением лексических и грамматических особенностей речи респондентов, что позволяет показать степень владения студентами из Таджикистана русским языком.

Причины образовательной миграции из Таджикистана в Россию

Студенты из Таджикистана учатся почти по всей России. Больше всего их в двух столичных городах, в университетах Центральной России, Поволжья, Урала и Сибири [6]. Массовая трудовая и образовательная миграция из Таджикистана в Россию вызвана целым рядом факторов. Среди них исторические связи двух государств, значительная разница в уровне развития экономики и уровне жизни, в демографическом потенциале стран. Так, по данным Международного валютного фонда, в 2014 г. на душу населения в России приходилось \$ 24 805, в Таджикистане – \$ 2 688 [7]. Рождаемость, по данным за 2014 г., в России составляла 11,87 ребенка на 1 000 человек, в Таджикистане – 24,99 [8]. Впрочем, есть и другие данные об уровне рождаемости в России в 2014 г. – 13,31 детей на тысячу населения [9].

В качестве объяснения эмиграции из стран Центральной Азии в Россию может быть использовано по-

нятие «Youth Bulge», употребляемое немецким социологом Гуннарсом Хайнзоном в работе «Сыновья и мировое господство: роль террора в подъеме и падении наций» [10]. Понятие «Youth Bulge» переводится как «молодежный выступ» или «молодежный пузырь», а в контексте работы немецкого социолога как «злонакачественный демографический приоритет молодежи». Речь идет о сравнении количества мужчин в возрасте 40–44 лет с количеством мальчиков от 0 до 4 лет. Немецкий социолог приводит данные о том, что в Германии это соотношение выглядит как 100/50, в секторе Газа 100/464, в Афганистане 100/403, в Ираке 100/351, в Сомали 100/364. Суть тезиса ученого из университета Бремена состоит в том, что в тех странах, где в структуре населения образуется большое количество молодых мужчин, возрастает конфликтность, обретающая различные острые формы. Подобная демографическая ситуация порождает мультипликативный эффект, пронизывающий и экономическую, и социальную, и политическую сферы. Одним из способов канализации подобной проблемы является эмиграция значительной части молодых мужчин. Страны, в которых своей молодежи слишком мало, по мнению Хайнзона, не могут сопротивляться напору молодежи из стран с избыточным количеством молодежи. «Демографический сбой происходит тогда, когда на каждых 100 мужчин в возрасте 40–44 лет приходится меньше 80 мальчиков в возрасте от 0 до 4 лет» [11]. Подобный аспект проблемы уже рассматривается зарубежными исследователями [12]. Данная точка зрения, во-первых, выделяет возраст как одну из важных структурных проблем общества, во-вторых, позволяет посмотреть на рабочую и образовательную миграцию через призму внутренней политической безопасности как страны исхода, так и страны приема мигрантов. Это актуализирует вопрос о том, в качестве кого в принимающем обществе окажутся молодые мигранты из перенаселенных стран. Станут ли они новым физическим и интеллектуальным ресурсом в развитии принимающего сообщества, найдут ли достойное место на рынке труда или пополнят маргинальные слои, склонные к иждивенчеству и агрессии [13]. По словам руководителя одного из Центров социокультурной и языковой адаптации мигрантов в Красноярске, в регионе постепенно начинает меняться отношение к мигрантам из Центральной Азии: «если раньше шли от поликультурности, то теперь стремятся к изменению национальных стереотипов и встраиванию этнофоров в принимающее общество» [14].

«Миграционный капитал» студентов из Таджикистана

В качестве методологической основы изучения процесса адаптации и социализации студентов из Таджикистана в новой для них культуре используется тезис П. Бурдьё о социальном пространстве, которое есть «абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей...», которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала...» [15. С. 40]. Главными подпространствами студента-иностранца являются его присутствие в своей родной культуре и присутствие в культуре русской. В рамках каждого из под-

пространств он обладает определенным капиталом, потенциал которого (как и всякого капитала вообще) весьма динамичен. В период подготовки к поездке в Россию будущий студент полностью погружен в реалии поля своей национальной культуры. В качестве капитала на этом поле выступают родной язык, национальная ментальность, национальные и семейные традиции, социальные сети родственников и друзей, религиозные устои [16]. Россия в этих условиях воспринимается через образ «другого».

Поле русской культуры предстает перед будущим студентом в некоем виртуальном облике, основанном на тех представлениях о России, которые он получил за годы учебы в таджикской школе (тот или иной уровень знания русского языка, сведения по истории России, та или иная интерпретация взаимоотношений таджиков и русских в исторической ретроспективе), в результате обсуждений образа России и русских в семье и с друзьями, по материалам таджикских средств массовой информации и по передачам электронных российских СМИ, транслируемых на Таджикистан [17]. В силу существующих в Таджикистане традиций, пиетета детей перед родителями, будущая жизнь и учеба в России воспринимается, кроме всего прочего, через те паттерны национальной культуры, которые исходят от семьи. Родители, рассказывает один из респондентов, «говорили, что «сын, не натвори глупости там, чтобы у тебя до свадьбы детей не было. Это вообще стыд и срам» ... Остро, жестко, чтобы было понятно, что вот это запрещено, а вот это разрешено. Не только родители, не только мама и папа, а вся твоя родня тебе об этом говорит» [18]. Информация о России актуализируется через соответствующую мотивацию – стремление учиться в российском университете и предпринимаемые для этого усилия организационного и интеллектуального характера: поиск вариантов быть включенным в программу обучения на бюджетной основе, выбор того или иного университета: «Ну, в школах приходят, рекламируют. Ну, говорят вот нам, ... что есть, ...шансы. Из тех, кто хотят, может поступать, баллы набрать, по конкурсу если пройти, можно приехать сюда ... Ну, там у нас приходят каждый год квоты, не только Томск, разные города бывают, там Москва, Питер, и..., вот, ... по крайней мере, Томск был. Я сдал документы, там баллы набрал, и вот ошасливился» [19]. Учитывается степень знания русского языка: «У меня дома еще родители общаются, все знают русский язык, не только я» [20]. Другая часть капитала будущего студента представлена моральной и финансовой поддержкой семьи, отправляющей сына или дочь в Россию. Очевидно, что учебу за границей могут себе позволить выходцы из относительно обеспеченных таджикских семей. И, наконец, частью этого капитала является позиция таджикского государства, проводящего политику сотрудничества с Российской Федерацией в образовательной сфере [21].

Несмотря на то что этот капитал формируется еще на территории родной страны, он направлен в сторону последующих изменений жизни индивида, связанных с перемещением из отдающего общества в принима-

ющее, и может быть назван «миграционным капиталом» будущего студента. Характерной его особенностью является приходящая роль и временная ограниченность.

Формирование личностного и социального капитала в принимающем обществе: учеба, досуг, быт, подработка

Оказавшись в числе студентов российских университетов, молодежь из Таджикистана начинает формировать свой личностный и социальный капитал¹ в рамках принимающего общества. Виртуальные представления о России заменяются вполне реальными, основанными на повседневных практиках: «...я себе как бы вообще..., по-другому представляла Томск ... (смеется) ну как бы очень большие здания!, ну, как вот Америка там есть. Ну я себе так представляла... И учебные заведения. Я ... вот университет, по телевизору как раз смотрела Москву, там большая, и лестницы такие большие. Я тоже думала, что я буду вот в таком университете учиться. Ну, приехала, тут маленькое как-то. ... ну, не понравилось вначале. Вначале я месяц почти плакала, не хотела (учиться – авт.), хотела уйти. Потом уже со временем, когда студенты все приехали, уже знакомые... там, ну, вот, и постепенно уже привыкла ко всему» [22]. Более трезво оценивается уровень владения русским языком: «...я учил вот одиннадцать классов русский язык, но еще уровень русского языка, который в Таджикистане проходят, и уровень русского языка в России – это две разные вещи, я могу сказать» [23]. По-новому оцениваются возможности к адаптации в принимающем сообществе: «В 2010 г. нас ...поступило семеро человек. Из семерых только двое остались, а остальные не смогли продолжить учебу, у них проблемы с-с-с...речью. И..., с знанием. Не хватало» [24]. Ту же ситуацию прокомментировал и другой студент-таджик из того же томского университета: «Ну, эти парни, они вообще не знали русского, один вообще не знал русского. Ну, как-то поступил? Как-то! (усмехается)... Я вот таких людей не понимал, и не понимаю до сих пор. Ну зачем ехать в чужую страну, которой не знаешь языка? И на что-то, на чудо какое-то надеяться» [25]. Реалии Таджикистана начинают оцениваться через призму российской действительности: «Тут, например, надо все..., на всех семинарах там учиться, отвечать, ну, как я вот, по своей практике. А там вот, ну, можно ...деньги заплатить» [26].

Можно предположить, что структура этого нового видения социокультурных реалий довольно сложна. Паттерны, связанные с отношением к родителям, к браку, например, остаются в основном прежними: «У меня, как бы, хоть и родители образованные люди... они мне сказали, когда я на первом курсе...«ты знаешь, что у тебя жена будет таджичка» [27]. Это было интервью со студентом 4 курса. Примерно так же говорили и многие другие ребята. Но в последующие годы приходилось видеть магистрантов из Таджикистана, которые встречались уже с русскими девушками. Хотя и здесь сложно выносить однозначные суждения. Иногда девушки, по словам респон-

дентов, обещают своим потенциальным мужьям, что примут мусульманство.

В ситуации постепенной адаптации вполне возможны конфликты паттернов, происходящие на внутриличностном уровне: «Один раз, просто когда ехал в автобусе... вот у нас воспитание, что взрослые заходят, надо вставать, уступать место... А здесь, такого нет (смеется) ... один раз девушка просто зашла в автобус, я встал, «садитесь, девушка». Ну, она на меня наехала с такими словами, что, «я что, такая старая, чтобы ты мне уступаешь...». Я просто промолчал, сел обратно, и я как-то уже опасаясь кому-то уступить» [28].

Скорее всего, процесс переориентации на социальные реалии принимающего общества отнюдь не прямолинеен. Может сказываться и влияние родителей, советующих активнее поддерживать связи с родиной, вернуться после учебы домой, и фрустрация, связанная с неудачами в учебе или другими проблемами адаптации. Но в целом структура полей жизненного пространства студента-мигранта претерпевает изменения в пользу все более глубокого погружения в реалии принимающего общества и определенного отдаления от реалий общества исхода: « ... со мной..., вот парень живет, ... он уже ... магистратуру заканчивает... Он говорит, я останусь тут, потому что я не могу больше в Таджикистане жить. ... когда я еду домой, там уже как будто я не у себя дома там. У всех другие мысли, ... все по-другому делается, мне это, ну, не подходит больше. ...Ну, буду ехать туда,... не буду навсегда тут оста..., но жить-то тут буду. Потому что уже привычно тут жить, так, как живешь» [29].

Формируемый в условиях принимающего общества капитал студента-мигранта характеризуется культурной бинарностью, преломляющейся через призму личностных особенностей конкретного индивида. Этот бинарный культурный капитал операционализируется в определенном качестве двуязычия, частичного присвоения паттернов принимающего сообщества, которые накладываются на паттерны таджикской культуры. То есть происходит процесс, во-первых, ситуативной адаптации и, во-вторых, более пролонгированный процесс инкультурации студента из Таджикистана в принимающее общество [52].

В дальнейшем динамика бинарной культуры будет зависеть от соответствующих социальных траекторий выпускника российского университета. В условиях дисперсного проживания диаспоры ее представитель будет наращивать в своем бинарном капитале компоненты русской культуры. Пределы этого процесса будут определяться его личностными возможностями к инкультурации и потребностями его профессиональной и социальной траектории. В случае проживания в национальном анклав инкультурация будет ограничиваться потребностями взаимодействия с принимающим сообществом. Если его социальный капитал будет формироваться в основном в профессиональных, публичных сферах принимающего общества, то процесс инкультурации будет и более глубоким и более пролонгированным. Если социальный капитал будет нарабатываться преимущественно

в семейном окружении или в окружении соплеменников, то процесс инкультурации либо замедлится, либо стагнирует на относительно низком уровне. В семье, созданной молодым выходцем из Таджикистана с университетским образованием в России, его бинарная культура будет воздействовать на его детей, родившихся, или, по крайней мере, воспитывающихся в России [30].

Процесс инкультурации студентов-иностранцев также можно рассматривать через тезис П. Бурдьё о том, что «Способность господствовать в присвоенном пространстве, главным образом за счет присвоения (материального или символического) дефицитных благ, которые в нем распределяются, зависит от наличного капитала» [15. С. 43]. Постепенное накопление этого капитала происходит у молодых выходцев из Таджикистана в годы студенчества в процессе повседневных практик их социальной активности: учебной, досуговой, бытовой, трудовой.

Учеба многим выходцам из Таджикистана, особенно на первом курсе, дается нелегко. Трудности, например, возникают с конспектированием лекций. Не владея хорошо русским языком, некоторые студенты переводят услышанное на родной и пишут конспект на таджикском языке. В университетах есть курсы по русскому языку, как иностранному, но они не включены в обязательную учебную программу. Несмотря на плохое знание русского языка, сами студенты часто не считают нужным их посещать. Студент-старшекурсник одного из технических университетов Томска, в ответ на вопрос о том, ходил ли он на дополнительные занятия по русскому языку, говорит: «*Не, не ходили, там, просто у нас тестирование прошло, кто нормально тестирование проходил, им, сказали, не надо. Мы написали очень..., на среднее написали, и нам сказали, не надо. И ми, каждый раз там вот на всяких лабораторных, конференциях участвовали и активно в университете образ жизни проводили, и из-за этого свободно разговариваем*» [31].

Иногда те, кто хотел бы повысить свои знания по русскому языку, не находят подходящий вариант для подготовки: «*...Ну, как я приехала, я говорила, что я затрудняюсь по поводу языковой и я понимаю очень хорошо, но я не могу выражать своего мысля, как я хочу, как я понимаю, потому что мне хватает этого. Ну, мне посоветовали, что есть такой курс русского языка в нашем университете, мне познакомили с преподавателем. Э-э-э...этот преподаватель со мной пообщалась. А, ...она говорила, что, «моя группа состоит из китайцев»... очень более, такой, как называется... «на уровне моего студента, Вы на один ступенька выше»; поэтому Вы зря своего время тратите с моими студентами ходите, потому что они изучают слова еще, а Вы очень много слов знаете, но просто Вы на втором ступеньке, а до этого еще мы не прошли. Так что у меня группа, а которой меня поставили, не соответствовала, поэтому, ... я сама начинала самостоятельно учить» [32]. Трудности возникают при подготовке к семинарским занятиям, когда необходимо прочитать материал, осмыслить его и выступить на занятии. Иногда, говорят респон-*

денты, можно рассчитывать на помощь одноклассников, хотя и не всегда: «*... что будет непонятно, объясняюсь культурно, они объясняют все. Если не хотят, то говорят: «не смогу», или «забыла», «ой, я сама не знаю, спроси другого». Это нормально, я думаю*» [33]. Иногда студенты из Таджикистана чувствуют, что их считают аутсайдерами в группе и не хотят помогать: «*...Начинается пара и говорят – раз делитесь по группам, чтобы сделать задание. Получается так, что ты попадаешь в группу и те, кто с тобой в группе, ну, мимикой, не знаю, тоном разговора тебе дают ясно понять, что мы, вот, будем работать, а ты ничего не сделаешь, потому что, ну, как бы ты не шаршишь, не знаешь ... бывали такие моменты, что вот приходилось ... говорить, что ну зачем – если не хотите, то я буду, ну как бы даже один работать, но не надо вести себя так*» [34].

Сфера досуга студентов является очень важным каналом их адаптации и инкультурации [35]. Формы проведения свободного времени весьма разнообразны, хотя, чаще всего, локализованы в рамках университета, студгородка, кафе, расположенных в университетской части Томска, и тех мест, где собираются представители диаспоры. Большое внимание уделяется спорту. Респонденты упоминают главным образом командные (футбол, баскетбол, волейбол) и силовые виды спорта (бои без правил, бокс, кикбоксинг, пауэрлифтинг, тяжелую атлетику). Таджикские студенты входят в составы сборных факультетов по разным видам спорта.

Значимой частью досуговой деятельности студентов из Таджикистана является их участие в праздниках. В Таджикистане, который по внутреннему валовому продукту занимает последнее место среди стран СНГ, массовые городские праздники проводятся лишь в столице и крупных городах. Поэтому тот же «День города» в Томске привлекает большое внимание таджикских студентов. Участвуют они и в различных университетских праздничных мероприятиях, в которых принимают участие представители разных национальностей [36]. Но наибольшее внимание уделяется участию в проведении в Томске Навруза – праздника Нового года по астрономическому солнечному календарю, который отмечают иранские и тюркские народы. Праздник является хорошим поводом для поддержания национальной рефлексии через встречи, совместную трапезу в национальном кафе, принадлежащем таджикам, национальные песни и танцы. Судя по имеющимся фотографиям и комментариям к ним, этот праздник студенты проводят вместе с представителями местной таджикской диаспоры и трудовыми мигрантами. Отмечаются и главные мусульманские праздники – Ураза-байрам и Курбан-байрам. Правда, как говорят студенты, в силу тяжелых для них климатических условий, перед праздником Ураза-байрам не все держат пост в священный месяц Рамадан. Но, не успевая порой бывать в мечети даже по пятницам, в праздничные дни студенты, как правило, рано утром идут в мечеть. В Курбан-байрам местные единоверцы угощают их там мясом. Из двух томских мечетей – Красной и Белой томские таджики предпочитают Красную, где имамом является таджик

Низамуддин Жумаев [37]. Правда, туда, как, впрочем, и в Белую мечеть, не ходят студенты из Горного Бадахшана, которые являются шиитами-исмаилитами [38]. Большинство из них учится в Томском государственном архитектурно-строительном университете (ТГАСУ). Имея возможность и в Томске принимать участие в религиозных праздниках, студенты, тем не менее, отмечают, что в Томске дух этих событий отличается от того, как это проходит в Таджикистане: «О, это очень как бы... (улыбается) Во-первых, атмосфера – тут ощущается, что, вот, праздник, ну, когда ты приезжаешь в тот же мечеть или, не знаю, к каким-то землякам, что вот Навруз или Курбан-байрам, что вот праздник, ну как бы стол накрыт, ну, достархан накрыт – есть все. Но той атмосферы, которая в Таджикистане, что каждый дом этот праздник празднует, каждый, там... дети ходят, шумят, веселятся, что ты можешь к любому зайти и там помолиться, там, не знаю, поест, встать и уйти, как бы такого тут нету. Все равно атмосфера другая. Даже не, даже тут, в России, там, не знаю, в Чечне или, не знаю, в Дагестане или в Татарстане – такая же атмосфера. В Томске этого нету» [39]. За этими словами та самая культурная дистанция, то самое отличие в проведении праздника на родине и вдали от нее, в российских регионах с преобладанием мусульман и в Томске.

Некоторые встречи студентов, которые устраивает руководство таджикской национально-культурной автономии вкпе с другими общественными организациями Томска, бывают посвящены знаменитым представителям таджикской культуры прошлых эпох. Один из литературных вечеров, например, который проводился в Российско-немецком доме, был посвящен поэту, философу и ученому Омару Хайяму.

В рамках досуговой сферы происходят и конфликты, в которых участвуют студенты-мигранты. Что само по себе, как писал американский социолог Л. Козер, является совершенно естественной составляющей социального взаимодействия [40]. Конфликты возникают, порой, между таджикскими студентами из Горного Бадахшана, с одной стороны, и таджикскими студентами из иных регионов Таджикистана – с другой. В качестве поводов обычно выступают столкновения между группами молодежи в сфере культуры или спорта. Причины же лежат гораздо глубже и связаны, видимо, с конфликтом между разными течениями ислама [41]. Во время празднования Навруза в 2013 г. стычка между студентами из Горного Бадахшана и Куляба произошла из-за музыки в кафе, где отмечали праздник: «Изначально все были вместе, ... и старшие и руководители и учредители, все были вместе. Но так как они уехали и это как в школе, когда последний звонок, когда директор и физрук уехал и все начинается. Там такая же ситуация. Кто-то хотел сказать... ну, может они подразумевали, что вот мы круче вас, вы должны делать, как мы говорим. Может вообще просто хотели слушать свою музыку – я не могу это сказать как они хотели, но конфликт был, конфликт был очень серьезный и, слава богу, что они решили все это мирным путем» [42]. Бывает, что стычки происходят во время

занятий спортом. Вроде той, что произошла между студентами из Горного Бадахшана и студентами из Душанбе: «... был тренировочный день ... Сняли, вот, спортивный комплекс, пришли тренироваться. Все были таджики – ребята из Памира, ребята из Душанбе, ребята из Куляба – со всех регионов Таджикистана. Собрались командой. Ребята из Памира – у них своя команда. Ну и они начинают грубо играть. Им объясняешь, что так играть не надо, они начинают, как бы вот... как хочу, так играю. ... Дошло до того, что чуть до драки не дошло. Ну, а, не знаю, в своей физической подготовке я всегда был уверен и если б до драки дошло – никто не смог бы остановить, но, слава богу, опять же все решилось тем, что поорали друг на друга и успокоились» [43]. Видимо, подспудно сказывается та культурная, языковая, историческая дистанция, которая существует между суннитами и шиитами-исмаилитами, те весьма острые политические противоречия, которые существуют внутри современного таджикского общества. По словам респондента, во время конфликта в кафе из-за пустяковых казалось бы разногласий по поводу музыки, со стороны студентов из Горного Бадахшана раздавались фразы о том, что «Мы не таджики, мы хотим жить отдельно, мы хотим отдельное государство» [44].

Большинство студентов из Таджикистана живет в общежитиях. Бытовая сфера «общаги» является одним из главных механизмов адаптации студентов-мигрантов к новой реальности. Но именно там, в первые дни и месяцы пребывания в Томске, студенты из Таджикистана порой испытывают культурный шок, который свидетельствует о серьезных отличиях в повседневных практиках жителей двух стран: «Когда я приехала, мне неприятно было ... в душе одном мыться... Может быть, это зависит от моего воспитания, что мы более-менее скромные, нам воспитали так, что женщина всегда должна быть свои прелести не показывать... А когда я в душе, все мы вместе зашли, чуть-чуть для меня это неприятно было» [45]. «... я был очень шокирован ... когда ты встаешь в первый день утром, выходишь в секцию в общежитии ... умыться и видишь – там девушка ... в шортах, которые, не знаю, короче твоих трусов... это вообще шок – что делать?! Ну, приходилось обратно заходить в комнату пока как бы все не уедут или не умоются» [46]. Впрочем, оба респондента отметили, что довольно быстро привыкли к нравам томских общежитий. Но есть и то, что, видимо, затрагивает более глубокие пласты нравственных устоев и даже по прошествии времени вызывает вполне определенное неприятие: «Здесь непривычно что, вот... много они себе позволяют... курят, бухают... У нас в Таджикистане как бы не до такого степени..., ну там таким вещам редко занимаются. А вот здесь... например, там новогодние праздники, день радио..., они просто вот, с утра, с ночи они бухают. Че за традиция? Я вот не знаю...» [47]. Случаются и конфликты, связанные с совместным проживанием в одной комнате представителей разных культур: «... студент приехал – он... встает в пять утра молиться, а в это время... другие спят. Вот и как бы получается так, что другие начинают спрашивать... почему ты это делаешь, ты

как бы учитывай, что мы тоже тут живем. Вот, ну а этому студенту, понятно, что с самого детства воспитывали, что вот в это время ты обязан вставать, ... делать этот обряд, молиться и все. И поэтому бывало, что конфликты из-за этого. Но все это со временем уходит, многие стараются потише быть и, не знаю, совершать молитву в то время, когда соседей нет или многие просто не молятся. Ну, вот это как бы уже идет адаптация к новой культуре и поведение менять надо бы» [48].

Большое значение в общежитии имеет то, кто окажется соседями по комнате, в которой живут по три-четыре человека. На тех факультетах, где учится много выходцев из Таджикистана, их могут селить вместе. Там, где один-два студента, они неизбежно селятся с русскими. Сами студенты относятся к таким вариантам весьма амбивалентно. Им нравится жить с соплеменниками, но, в то же самое время, они понимают, что это негативно скажется на качестве их разговорного языка, их адаптации к культуре принимающего общества [49]. Не существует политики университетов, направленной на дисперсное расселение студентов из Таджикистана с целью их более глубокой адаптации и инкультурации. Разное воспитание девушек в России и Таджикистане также порой становится причиной конфликтов в комнате. На одном из факультетов студентку-таджичку возмутило то, что ее русская соседка по комнате приглашала в гости молодого человека. Сначала это вызывало смущение, а потом переросло в конфликт. На родине девушку с детства учили тому, что до свадьбы никаких встреч между парнями и девушками быть не должно. Конфликты у них возникали и по другим проблемам: «в маленьком комнате мы три девушки жили, у нас был, что мы друг друга не понимали. Мне, как я приехала, мне в письме написано было, что обеспечивать общежитием, мне дали комнату как студентка иностранный такой, более-менее условия хороший. А девушка, которая жила раньше, она приехала чуть-чуть позже, она недовольство..., говорила, что я не хочу жить с этой девушкой... Конечно, это неприятно было, когда меня обзывала: «Дура! Я с таким дуром не хочу жить». Я говорила: «Я эту комнату не выбрала, и тебя не выбрала, меня так выселили (заселили – авт.), че я виновата, что ли, что ты не хочешь со мной жить?» Потому что она девушка более-менее совре...свободная была. Мне было неприятно, но я потом, ...у-у-у, как назвать... потом поняла, что это нормально (философским тоном). Ну, человек не хотела, а че? Плюс к другому потом меня выселили, очень хорошо и дружно мы жили, общались» (с другими соседками в другой комнате – авт.) [50].

Подобно многим российским студентам, молодежь из Таджикистана в годы учебы подрабатывает на условиях гибкой занятости охранниками в клубах, кафе, ресторанах и на предприятиях, грузчиками в больших магазинах, подсобными рабочими на стройках, на работах, связанных с благоустройством. Чаще всего это «серая занятость» без заключения официального трудового договора. Официальное трудоустройство существует лишь в летних студенческих строительных от-

рядах. Девушки-студентки из Таджикистана стараются находить работу в фирмах своих соплеменников: «...они, все-таки наша культура, знает этот человек, как к девушке восточной относиться. Как бы нормально, хорошо работать» [51]. Этот рабочий опыт в период учебы дает представление о структуре занятости в регионе, уровне оплаты труда, дает навык взаимодействия с работодателями. Заработанные деньги позволяют решать повседневные проблемы. В этом отношении студенты отличаются от гастарбайтеров и своим защищенным статусом и тем, что они, как правило, не отправляют деньги в Таджикистан для поддержки родственников, а используют их на собственные нужды.

Ворота в будущее: в «клуб» или в «гетто»

Окончив российские университеты и оставшись в России для формирования своей дальнейшей жизненной траектории, таджикская молодежь становится частью российского общества. Обретенный на родине и в России личностный и социальный капитал позволяет ей определенным образом выстраивать конфигурацию социальных связей. По мнению П. Бурдьё, «Капитал позволяет держать на расстоянии нежелательных людей и предметы и в то же время сближаться с желательными людьми и предметами, минимизируя таким образом затраты (особенно времени), необходимые для их присвоения [15. С. 43].

Социальный капитал двойной инкультурации позволяет молодым выходцам из Таджикистана, окончившим российские университеты, символически присутствовать в социальном пространстве определенных социальных сфер обеих стран. Это символическое присутствие становится основой и для физического присвоения локусов России и Таджикистана посредством физической и социальной мобильности, что дает им доступ к «пространственным прибылям» [Там же. С. 44].

Уровень инкультурации выпускников университетов в местное сообщество может диагностироваться через их дальнейшую социальную активность в преимущественно гомогенных группах выходцев из Таджикистана или в группах, преимущественно состоящих из представителей принимающего общества. Прежде всего, это касается профессиональной деятельности, где определяющими являются профессиональные компетенции, язык и культурные паттерны. Тем, кто не смог обрести капитал, необходимый для доступа к относительно дефицитным социальным ресурсам принимающего сообщества, остается довольствоваться ресурсами менее эффективными, сковывающими развитие личностной и профессиональной траекторий. Маргинализация индивида, частично растерявшего капитал родной культуры, отдалившегося от нее и не сумевшего в должной степени сформировать за годы учебы капитал на поле принимающего общества, становится серьезной преградой для дальнейшего материального и символического присвоения социальных пространств как отдающего, так и принимающего сообществ, для формирования личностных и профессиональных траекторий.

Геттоизация мигрантов из Центральной Азии в современной России порой понимается слишком бук-

важно, как создание физических локусов, в которых обитают мигранты, лишенные возможности жить в иных, более престижных условиях. Но эта физическая локализация мигрантов в ряде городов России, во-первых, еще весьма слаба в силу социальной синкретичности городского пространства, во-вторых, она является лишь физической проекцией более широкого явления символической геттоизации. Студенты из Таджикистана в Томске и других университетских городах России не имеют никакого отношения к тем или иным формам физической геттоизации. Их повседневные практики связаны с учебой в университете, с жизнью в студенческих общежитиях. То есть на этом этапе жизни они весьма гармонично инкорпорируются в адекватное для них социальное пространство принимающего общества. Но часть из них уже в годы учебы и после окончания университетов могут испытывать определенные признаки геттоизации символической. В качестве методологической основы понимания этой ситуации можно использовать тезис П. Бурдьё об «эффекте клуба» и эффекте гетто [15. С. 48–49]. «Эффект клуба» доступен для тех, кто после окончания университета может найти работу по специальности, реализовать обретенные профессиональные компетенции и войти в соответствующие относительно высокие слои общества. Встраивание в эти слои позволяет наращивать социальные связи среди тех, кому доступны относительно дефицитные ресурсы: занятость в сфере не физического, а интеллектуального труда с перспективой роста зарплаты, карьеры в производственной и общественной сферах, доступ к работе в структурах муниципального и государственного управления, к политической деятельности, более высоким статусным позициям в матримонильной сфере.

В период учебы у студентов формируются определенные социальные связи. Чаще всего этот процесс плохо отрефлексирован, потому что только по прошествии ряда лет твой друг по студенческой группе, по дискотеке, по стройотряду или по комнате в общежитии становится заметной фигурой в экономической, политической или общественной сфере. Если друзья детства студентов из Таджикистана, различные их семейно-клановые ресурсы находятся в другом подпространстве, то дружеские связи периода юности складываются именно в студенческой среде – основном символическом и физическом локусе подпространства принимающего общества. В дальнейшем они могут стать одним из привилегированных ресурсов молодых выходцев из Таджикистана, окончивших российские университеты. Немалую роль при этом играет бинарность культуры. Часть выпускников университетов могут сделать ставку в основном на дальнейшее развитие связей в среде сверстников-этнофоров, укорененных в Томске членов таджикской диаспоры. Можно предположить, что характерной особенностью социализации выпускника на этом поле будет «прочный фундамент, но низкий потолок». То есть относительно надежная моральная опора в лице соплеменников, но невысокие перспективы роста в сфере дефицитных социальных ресурсов. Социализация на поле принимающего общества может быть

образно определена как «слабый фундамент, но высокий потолок». Дружеские связи студенческих лет с представителями принимающего общества могут серьезно помочь в дальнейшем профессиональном и социальном продвижении. Но здесь большую роль играют такие «тонкие аспекты культурного и лингвистического капитала, как манера держаться, акцент и т.п.» [15. С. 50].

Обретенный за годы учебы в университете солидный социальный капитал распространяет на успешных студентов из Таджикистана «эффект клуба», открывая им доступ к существующим социальным лифтам на поле принимающего общества. В России определенной социальной опорой для них могут быть успешные однокашники из числа коренных жителей и формирующиеся из их числа поколенческие социальные сети. Межпоколенческая трансмиссия семейного капитала, характерная для коренных жителей, так же в той или иной степени может сослужить пользу для тех, кто является «членом клуба». То есть при трудоустройстве или профессиональном росте выходцев из Таджикистана могут сыграть роль семейные связи университетских однокашников из числа коренных жителей.

Подобно тому, как П. Бурдьё говорит о «концентрации позитивных полюсов всех полей», накапливающихся в столице, концентрация позитивных полюсов бинарной культуры формирует в регионе элиту диаспоры, признаваемую и этнофорами и принимающим обществом. Часть студентов из Таджикистана, окончивших российские университеты, станут частью этой элиты. Причем те, кто приехал учиться во второй половине двухтысячных годов, станут первым поколением образованных таджиков в постсоветской России. Предшествующее поколение, как правило, училось в томских университетах еще в советские годы. Этническая солидарность при совпадении интересов в рамках социальных стратегий дает не только дополнительный ресурс разным поколениям диаспоры, взаимодействующим между собой, не только реализует механизм межпоколенческой трансмиссии, но и создает некий синергетический эффект, превращающий диаспору в нечто большее, нежели простая сумма ресурсов входящих в нее индивидов. Диаспора является воплощением того социального поля, которое связывает студентов с родиной и национальной культурой. В России существует более 80 таких объединений. Их количество разнится по разным федеральным округам: «в ЦФО – 20; в ПФО – 18, в СФО – 14, в СЗФО – 11, в ЮФО – 5, в ДФО – 3, в СКФО – 1» [52]. Степень социализации на этом поле может зависеть от личностных качеств индивида, места его рождения в Таджикистане, статуса семьи там, ее принадлежности к тем или иным территориальным или клановым группировкам. Может зависеть от способности вписаться в те тренды, которые актуальны для таджикской диаспоры в локусе постуниверситетского пребывания индивида, интересов наиболее влиятельных членов диаспоры. Именно нынешнее поколение «новых русских азиатов» в лице молодых таджиков с университетским образованием будет формировать и развивать модели инкультурации этой социальной

страты в многонациональное и многоконфессиональное сообщество Сибири и России в целом.

У студентов из Таджикистана, не осиливших необходимый уровень адаптации и инкультурации за годы учебы, ее результаты могут вызывать фрустрацию, порождаемую несбывшимися ожиданиями от обучения в России: «Я-то думал, что они подсказут, как мне, или нам, группе, как войти в ...международную среду бизнеса, как... показать входы и выходы..... как создать свою компанию, там, например. И как войти в рынок, быть конкурентно-способными. Ну, мне этого не хватает реально... А про реальное вхождение, там, например, так-то нам ниче не говорят. ...» [53]. Им окажутся недоступны ресурсы последующей социализации, на которые они хотели бы рассчитывать, получив дипломы российских университетов. Они не смогут устроиться на относительно престижную интеллектуальную работу, обеспечивающую достойный уровень жизни, им окажутся недоступны каналы профессионального роста и общественного признания. Представитель таджикской диаспоры одного из крупных промышленных городов Сибири сказал, что трудоустройство выпускников университетов является очень большой и болезненной проблемой: «...здесь, вот, в нашем крае вот такая проблема, что иностранные студенты, которые заканчивают, сложно ... в дальнейшем работать здесь. Потому что не берут таких, не каждого берут, и не каждый может по профессии работать... Это очень большая головной бол для нас тоже, для молодежь, потому что мы сколько лет учились здесь, заканчивали, да, мы не можем здесь по диплому работать уже». На вопрос о причинах сложившейся ситуации, респондент сказал: «Вот это проблема власти» и добавил: «Увидят – не русский... Такая проблема существует и здесь существует» [54]. Обращает на себя внимание то, что респондент в качестве основного актора процесса трудоустройства называет власть, а не бизнес. Здесь, возможно, сказываются патерналистские установки, характерные для населения Таджикистана. Или образ «другого» существует для них в синкретичном виде. Русские, жизнь в России воспринимаются через единый образ государства, общества, частных предприятий. Хотя от людей с высшим образованием можно было бы ожидать иной рефлексии. Что касается выделения этнического признака в качестве основания в отказе в работе, то, вероятно, в реальных ситуациях дело связано не с этнической принадлежностью человека, а с его владением русским языком и своей специальностью. Сибирь никогда не была моноэтнической и, по словам предпринимателей, для них, прежде всего, значима компетентность специалиста, а не его этническая принадлежность. Таким образом, подобные оценки проблем с трудоустройством строятся, возможно, на искажении причинно-следственных связей. Многие выпускники университетов видят выход в том, сказал респондент, чтобы вернуться в Таджикистан, где российский диплом считается весомым аргументом при приеме на работу. Но, отметил он же, там сказывается, что полученное образование, как правило, не подкрепляется практическими навыками и соответствующими ком-

петенциями: «...у ребят нету практики. Учеба одно, а практика – другое. Во время учебы прохождения практики они за это короткое время они не могут.. я считаю так, что ребята не готовы» [55]. Одним из главных барьеров к получению качественного образования и успешного выстраивания дальнейших социальных траекторий является недостаточное владение русским языком во всех трех его ипостасях – разговорного, письменного, арг профессионального поля [56]. В данной ситуации существует опасность того, что подобные выпускники будут невольно вытесняться в социальное пространство себе подобных аутсайдеров. Собственная рефлексия и мнение окружающих будут представлять собой то, что П. Бурдьё называет эффектом «клеймения», усиливающим эффект отдаленности [15. С. 49]. В этой ситуации они могут достаточно быстро примкнуть к тем слоям соотечественников, которые заняты в России малопrestижным физическим трудом с соответствующей стигматизацией. Эта символическая геттоизация может быстро конвертироваться в присвоение соответствующего физического пространства, в результате чего геттоизация превращается из символической в физическую. Эффект гетто с большой долей вероятности лишает выпускника университета тех социальных связей, которые дает «эффект клуба». Он ограничивает доступ к дефицитным ресурсам и соответствующим социальным сетям. Возникающий диссонанс между притязаниями и реальными возможностями может привести этих выпускников к фрустрации и поиску путей «восстановления социальной справедливости». При этом, во-первых, идет поиск идеологом, перекладывающих ответственность с личности на общество, во-вторых, идет поиск моральной поддержки среди людей с подобным качеством социального капитала, в-третьих, внимание с неизбежностью обращается на «имеющиеся образцы». К их числу относится и участие в организованных преступных группировках и в радикальных религиозных и террористических организациях. Эта часть молодежи испытывает проблемы, сходные с теми, которые возникают у фрустрированных таджикских гасторбайтеров из Таджикистана в России [Там же. С. 317]. Религиозные радикальные и террористические организации, в свою очередь, ведут активную пропагандистскую и организационную деятельность по привлечению подобных аутсайдеров в свои ряды.

Вернувшись в Таджикистан, эта категория выпускников российских университетов, обладающая более престижными российскими дипломами, вероятно, может рассчитывать на определенный статусный рост. Но трудности трудоустройства, связанные с высоким уровнем безработицы и значимостью принадлежности родительской семьи к тому или иному клану, низкая заработная плата и сформировавшиеся за годы учебы в России притязания к уровню жизни могут создать им немалые проблемы и на родине. Тем более что долгое отсутствие в Таджикистане так же в ряде случаев может ослабить их доступ к существующим там социальным лифтам и дефицитным ресурсам. То есть эти молодые люди, испытывающие риски возможной символической геттоизации, «будучи ли-

шены всех козырей, необходимых для участия в различных социальных играх, могут делиться только своим отлучением» [15. С. 49].

Заключение

Анализ данных Минобрнауки показывает, что студенты из Таджикистана учатся почти по всей России. Поэтому опыт томских вузов по адаптации и социализации этих студентов-мигрантов может иметь значение и для других университетских центров. Точно так же, как опыт последних может быть интересен Томску. Те выпускники университетов, которые хорошо адаптируются в принимающем сообществе, обретают необходимое качество социального капитала для дальнейшей инкультурации, становятся «членами клуба». Они привнесут свою интерпретацию феномена «Youth Bulge» в институализированном виде конкуренции за дефицитные социальные ресурсы в новом обществе в процессе его развития. А те, кто попадает в символическое, а затем и в физическое гетто, возможно, реализуют деструктивный вариант «Youth Bulge». Ими будут двигать несбывшиеся надежды и нарастающая фрустрация. Наличие пусть некачественного, но тем не менее высшего образования и соответствующих притязаний может, во-первых, толкать их на поиск «социальной справедливости» на путях деструктивной деятельности, во-вторых, обеспечивать им в гетто лидерские позиции, увлекающие других.

Нынешнее поколение образованных таджиков постепенно будет приходить на смену тем руководителям таджикской диаспоры, которые учились в томских университетах еще во времена Советского Союза. Оно продолжит развитие этой социальной группы как части многонационального и многоконфессионального сообщества Томска, Сибири. Из их среды выйдут те, чье влияние проявится в экономической, социальной, а затем, возможно, и в политической сфере. Особенно на муниципальном уровне.

Появление значительного количества выходцев из Центральной Азии, получивших в России высшее образование и оставшихся здесь жить, создающих здесь семьи, ставит вопрос о необходимости приспособления принимающего сообщества к новым реалиям. Восприятие слоя «новых русских азиатов» в России чрез призму этничности поставит трудноразрешимые проблемы в сфере управления обществом. Если же эту нарождающуюся социальную категорию

рассматривать не в категориях этичности, а в категориях гражданства, то они гораздо проще впишутся в универсальные модели управления. Но для этого необходимо, чтобы они отвечали тем маркерам, которые характерны для коренного населения. Одним из главных является хорошее владение русским языком. Дети образованных выходцев из Таджикистана, оставшихся в России, окончат здесь школу и будут формировать свою жизненную траекторию на правах коренных россиян. Таджикско-русская модель билингвизма уступит место русско-таджикской. В отличие от паттернов их родителей смешанные браки станут для них, скорее, обыденностью. Другая модель, связанная с анклавизацией и геттоизацией таджиков в России, приведет к мультикультурализму в форме консервации традиционной национальной культуры, национальной ментальности, недостаточного знания русского языка, отстраненности от социальных лифтов и существования на периферии гражданской нации. Вероятность реализации той или иной модели зависит от многих обстоятельств как личных траекторий индивидов, так и социально-политических реалий России.

Данная оценка ситуации может быть учтена руководством высших учебных заведений, органами региональной власти и муниципального самоуправления. Строительство в Таджикистане пяти новых школ на средства российского бюджета и работа там учителей из России позволяет томским университетам установить партнерские связи с этими учебными заведениями, чтобы ориентировать будущих выпускников на продолжение образования в Томске. Учитывая, что в томские вузы будут поступать выпускники не только русских, но и обычных таджикских школ, университетам целесообразно усилить работу подготовительных отделений, позволяющих студентам в течение года адаптироваться к местным условиям и повысить уровень своей подготовки по русскому языку и базовым предметам. Федеральным и региональным средствам массовой информации во взаимодействии с исследователями и представителями бизнеса необходимо формировать в общественном сознании представление о «новых русских азиатах» как неотъемлемой составляющей экономического и социального развития страны, уделять внимание причинам трудностей социализации на рынке труда России выходцев из разных стран, заканчивающих российские университеты.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В статье «Формы капитала» (журнал «Экономическая социология», 2002, № 5, с. 60–74) П. Бурдьё выделяет экономический, культурный и социальный капиталы. Причем культурный капитал рассматривается в трех состояниях: инкорпорированном, объективированном и институализированном. Под личностным капиталом я понимаю инкорпорированное состояние культурного капитала. А социальный капитал представляет собой устойчивую сеть институализированных связей индивида в разных социальных группах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савинов Л.В., Шевцова Е.В. Менеджмент миграционных процессов в Сибири: этнополитологический анализ // Вопросы управления. 2016. № 3 (40). С. 37–43.
2. Республика Таджикистан. Комплексное диагностическое исследование страны. Май 2018 // Группа Всемирного Банка. URL: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/tajikistan/publication/scd> (дата обращения 17.07.2017).
3. Усмонов Р.А. Таджикистан: история языковой независимости // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2014. № 5. С. 74–90. URL: <http://www.publishing-vak.ru/archive-2014/history-5-usmonov.htm> (дата обращения 04. 11.2017).
4. Усмонов Р.А. Русский язык в культуре и политике Таджикистана // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 2. С. 8–23 URL: <http://www.publishing-vak.ru/archive/philology-2011-2-usmonov.htm> (дата обращения 11.09.2016).

5. Локшин М.М., Чернина Е.М. Мигранты из Таджикистана на рынке труда России // Экономический журнал ВШЭ. 2013. № 1. С. 41–74. URL: https://www.hse.ru/data/2013/06/03/1285553945/17_01_03.pdf (дата обращения 06.10.2015).
6. Министерство образования и науки Российской Федерации. Департамент стратегии, анализа и прогноза. URL: <http://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2014> (дата обращения 3.01.2016).
7. Список стран по ВВП (ППС) на душу населения. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 12.12.2015).
8. Список стран по уровню рождаемости. URL: <http://nonews.co/directory/lists/countries/birth> (дата обращения 12.12.2015).
9. Естественный прирост населения субъектов Российской Федерации. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 14.12.2015).
10. Gunnar Heinsohn. *Sohne und Weltmacht: Terrorism, Aufstieg und Fall der Nationen*, 2003.
11. Тигран Хзмалян. Гуннар Хайнзон: Мальчики для джихада. URL: <http://5165news.com/nota-bene/> (дата обращения 15.12.2015).
12. Beehner L. *The Effects of 'Youth Bulge' on Civil Conflicts*. 2007.
13. Youth Bulges and their Socio-political Implications in Tajikistan. Sophie Roche. Foreword by Günther Schlee. 2014.
14. Безработная молодежь Таджикистана: «потерянное поколение» // Central Asia Monitor. 16-04-16. URL: <https://camonitor.kz/22718-bezrabotnaya-molodezh-tadzhikistana-poteryannoe-pokolenie.html> (дата обращения 12.01.2018).
15. Круглый стол «Адаптация мигрантов – фактор цивилизованного общества» // V Международная научно-практическая конференция «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы». Сибирский федеральный университет (г. Красноярск) 30 ноября – 2 декабря 2015 г. Архив автора.
16. Бурдьё П. Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
17. Национальная концепция воспитания в Республике Таджикистан. Утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 3 марта 2006 г. № 94. URL: <https://docplayer.ru/61986335-Nacionalnaya-koncepciya-vospitaniya-v-respublike-tadzhikistan.html> (дата обращения 16.04.2018).
18. Шарифзода М. «Мягкая сила» России в отношении Центральной Азии (на примере Таджикистана) // Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия» 03.04.2017. URL: <http://www.picreadi.ru/myagkaya-sila-rossii-v-tadzhikistane/> (дата обращения 24.06.2018).
19. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-4.1. Архива автора.
20. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-6. Архива автора.
21. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-6. Архива автора.
22. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма (Душанбе, 19 сентября 1995 год) // Министерство образования и науки Российской Федерации. Международные соглашения о сотрудничестве в сфере образования. М., 2009. С. 149–154. URL: https://минобрнауки.рф/ministry/68/file/914/MC_Образование.pdf (дата обращения 14.04.2018).
23. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-12. Архива автора.
24. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-4. Архива автора.
25. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-2. Архива автора.
26. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-13. Архива автора.
27. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-4. Архива автора.
28. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-13. Архива автора.
29. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-13. Архива автора.
30. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-13. Архива автора.
31. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-4. Архива автора.
32. Кикиани В.А., Здоровенко С.И., Бареева А.А. Этнопсихологические характеристики детей из семей мигрантов // Молодой ученый. 2016. № 11. С. 1748–1750. URL: <https://moluch.ru/archive/115/30561/> (дата обращения: 26.05.2018).
33. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-2. Архива автора.
34. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-5. Архива автора.
35. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-5. Архива автора.
36. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-4.1. Архива автора.
37. Панфилова Е.В. Ценности культуры досуга студенческой молодежи: результаты исследования // Молодой ученый. 2012. № 8. С. 278–283. URL: <https://moluch.ru/archive/43/5192/> (дата обращения: 12.04.2018).
38. Апанасюк Л.А., Даниэль Джерри Б. Преодоление ксенофобии в процессе организации социально-культурного взаимодействия студентов-мигрантов. Вектор науки ТГУ. 2013. № 4. С. 193–198.
39. Красная мечеть в Томске // Культура.РФ. URL: <http://www.culture.ru/institutes/12884/krasnaya-mechet-v-tomske> (дата обращения 12.11.2015).
40. Саркорова А. Чем живут таджикские мусульмане-исмаилиты // Агентство религиозной информации «Благовест» 20.09.2007. URL: <http://blagovest-info.ru/index.php?id=15938&s=7&ss=2> (дата обращения 21.04.2018).
41. Интервью СТТ-4.1. Архива автора.
42. Козер Л.А. *Функции социального конфликта* / пер. с англ. О. Назаровой; под общ. ред. Л.Г. Ионина. М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. 295 с.
43. Сунниты и шииты. Историческое противоборство // Сайт Islamtoday. All about Muslim World. – 03 мая 2012. URL: https://islamtoday.ru/islam_v_mire/turcia/sunnity_i_shiity_istoricheskoe_protivoborstvo/ (дата обращения 15.06.2017).
44. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-4.1. Архива автора.
45. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-4.1. Архива автора.
46. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-4.1. Архива автора.
47. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-5. Архива автора.
48. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-4.1. Архива автора.
49. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-2. Архива автора.
50. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-4.1. Архива автора.
51. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-5. Архива автора.
52. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-10. Архива автора.
53. Хоперская Л.Л. Трудовая миграция из Таджикистана: новая ситуация // Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений / ред. В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2015–2016. С. 311.
54. Погодаев Н.П. Интервью СТТ-7. Архива автора.
55. Погодаев Н.П. Интервью ТДКр-1. Архива автора.
56. Погодаев Н.П. Интервью ТДКр-1. Архива автора.
57. Погодаев Н.П. Забони русӣ: проблемы билингвизма студентов из Таджикистана в томских университетах // Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений / ред. В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2015–2016. С. 251–262.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ АББРЕВИАТУРЫ

СТТ – студент из Таджикистана (таджик).

ТДКр – руководитель или активный член таджикской диаспоры в Красноярске.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 5 ноября 2018 г.

FORMATION OF PERSONAL AND SOCIAL CAPITAL BY STUDENTS FROM TAJIKISTAN IN TOMSK: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 106–117.

DOI: 10.17223/15617793/436/12

Nikolay P. Pogodaev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nik-pogodaev@yandex.ru

Keywords: student migrants; social field; social capital; new Russian Asians; cultural distance; cultural shock; youth bulge.

This paper aims to analyse the process of socialisation of international students from Tajikistan in the course of their studies at universities of Tomsk. The author argues that gaining of the social capital enables young migrants from Tajikistan to gradually become a part of the Russian nation. The term “new Russian Asians” is introduced to define migrants from Central Asia who got their higher education in modern Russia, live and work here and claim access to limited resources in social, economic and, possibly, political spheres. The methodological basis of this paper is formed by the theory of “social field” of the French sociologist Pierre Bourdieu and the idea of “Youth Bulge” introduced by the German sociologist Gunnar Heinsohn who described it as “malignant demographic dominance of the youth”. The empirical data for the project, the results of which are partially outlined in this paper, were gathered in the course of individual in-depth interviews with the students of Tajik origin studying at Tomsk universities, the heads of the national Tajik diaspora of Tomsk, the Tajiks living in other Russian cities, the staff members of Tomsk universities and other actors. The part “Reasons of Student Migration from Tajikistan to Russia” is focused on demographic, social and economic factors that form the basis of the migration process. The part “Migration Capital” of Students from Tajikistan” analyses the “assets” that Tajik youth possess in their native country, their perception of Russia and basic motives for studying in this country. The part “Formation of Personal and Social Capital in the Receiving Society: Studies, Leisure, Everyday Life, Part-Time Jobs” describes the formation of personal and social capital of migrant students in the receiving society. The author gives special attention to the binary nature of this capital that is manifested in personal characteristics of an individual. The part “Way to the Future: To “Club” or To “Ghetto”” analyses, on the one hand, the situation where an individual gains substantial capital in the receiving society and gets opportunities for further successful steps in this society and access to its limited resources. On the other hand, the author analyses the way of those who are unable to gain sufficient social and personal capital and, therefore, become outsiders. The paper presents a conclusion that “new Russian Asians” will gradually get access to the limited resources of Russia making use of their binary culture. Their perception in Russia from the ethnocentric point of view is sure to result in the rise of intractable issues for the system of social administration. If treated as a category of citizenship, this emerging social layer will be smoothly integrated in universally accepted models of social administration.

REFERENCES

1. Savinov, L.V. & Shevtsova, E.V. (2016) Management of migration processes in Siberia: Ethnopolitical analysis. *Voprosy upravleniya – Management Issues*. 3 (40), pp. 37–43. (In Russian).
2. World Bank Group. (2018) *Respublika Tadjikistan. Kompleksnoe diagnosticheskoe issledovanie strany. May 2018* [Republic of Tajikistan. A comprehensive diagnostic study of the country. May 2018]. [Online] Available from: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/tajikistan/publication/scd>. (Accessed 17.07.2017).
3. Usmonov, R.A. (2014) Tajikistan: the history of language independence. “*Belye pyatna*” *rossiyskoy i mirovoy istorii* – “White Spots” of the Russian and World History. 5. pp. 74–90. (In Russian). [Online] Available from: <http://www.publishing-vak.ru/archive-2014/history-5-usmonov.htm>. (Accessed 04. 11.2017).
4. Usmonov, R.A. (2011) Russian language in culture and politics in Tajikistan. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*. 2. pp. 8–23. (In Russian). [Online] Available from: <http://www.publishing-vak.ru/archive/philology-2011-2-usmonov.htm>. (Accessed 11.09.2016).
5. Lokshin, M.M. & Chernina, E.M. (2013) Migranty iz Tadjikistana na rynke truda Rossii [Migrants from Tajikistan on the labor market in Russia]. *Ekonomicheskij zhurnal VShE*. 1. pp. 41–74. [Online] Available from: https://www.hse.ru/data/2013/06/03/1285553945/17_01_03.pdf. (Accessed 06.10.2015).
6. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Department of Strategy, Analysis and Forecast. (2014) *Statistics 2014*. (In Russian). [Online] Available from: <http://xn--80abucjiihbv9a.xn--p1ai/%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-2014>. (Accessed 3.01.2016).
7. Wikipedia. (2015) *Spisok stran po VVP (PPS) na dushu naseleniya* [List of countries by GDP (PPP) per capita]. [Online] Available from: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%92%D0%92%D0%9F_\(%D0%9F%D0%9F%D0%A1_%D0%BD%D0%B0_%D0%B4%D1%83%D1%88%D1%83_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%92%D0%92%D0%9F_(%D0%9F%D0%9F%D0%A1_%D0%BD%D0%B0_%D0%B4%D1%83%D1%88%D1%83_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F). (Accessed 12.12.2015).
8. CIA. (2017) *Spisok stran po urovnyu rozhdaemosti* [List of countries by birth rate]. [Online] Available from: <http://nonews.co/directory/lists/countries/birth>. (Accessed 12.12.2015).
9. Wikipedia. (2017) *Estestvennyy prirost naseleniya sub'ektov Rossiyskoy Federatsii* [Natural growth of the population of the subjects of the Russian Federation]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%95%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D1%83%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8. (Accessed 14.12.2015).
10. Heinsohn, G. (2003) *Sohne und Weltmacht: Terrorism, Aufstieg und Fall der Nationen* [Sons and World Power: Terrorism, Rise and Fall of Nations.]. Zurich: Orell Füssli Verlag.
11. Khzmalyan, T. & Khaynzon, G. (n.d) *Mal'chiki dlya dzhikhada* [Boys for jihad]. [Online] Available from: <http://5165news.com/nota-bene/>. (Accessed 15.12.2015).
12. Beehner, L. (2007) *The Effects of 'Youth Bulge' on Civil Conflicts*. [Online] Available from: <https://www.cfr.org/backgrounder/effects-youth-bulge-civil-conflicts>.

13. Central Asia Monitor. (2016) *Bezrobotnaya molodezh' Tadjikistana: "poteryannoe pokolenie"* [Unemployed youth of Tajikistan: A "lost generation"]. [Online] Available from: <https://camonitor.kz/22718-bezrobotnaya-molodezh-tadjikistana-poteryannoe-pokolenie.html>. (Accessed 12.01.2018).
14. Author's Archive. (2015) Kruglyy stol "Adaptatsiya migrantov – faktor tsivilizovannogo obshchestva" [Round table "Adaptation of migrants is a factor of civilized society"]. *Spetsifika etnicheskikh migratsionnykh protsessov na territorii Tsentral'noy Sibiri v XX–XXI vekakh: opyt i perspektivy* [Specificity of ethnic migration processes in the territory of Central Siberia in the XX – XXI centuries: experience and prospects] Proceedings of the V International Conference. Krasnoyarsk. 30 November – 2 December 2015.
15. Bourdieu, P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Translated from French. Moscow: Socio-Logos.
16. Tajikistan. (2006) *Natsional'naya kontsepsiya vospitaniya v Respublike Tadjikistan. Utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva Respubliki Tadjikistan ot 3 marta 2006 g. № 94* [The national concept of upbringing in the Republic of Tajikistan. Approved by the Government of the Republic of Tajikistan on March 3, 2006, No. 94]. [Online] Available from: <https://docplayer.ru/61986335-Nacionalnaya-koncepciya-vospitaniya-v-respublike-tadjikistan.html>. (Accessed 16.04.2018).
17. Sharifzoda, M. (2017) *"Myagkaya sila" Rossii v otnoshenii Tsentral'noy Azii (na primere Tadjikistana)* [The "Soft Power" of Russia in relation to Central Asia (on the example of Tajikistan)]. [Online] Available from: <http://www.picreadi.ru/myagkaya-sila-rossii-v-tadjikistane/>. (Accessed 24.06.2018).
18. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4.1. Author's Archive. (In Russian).
19. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-6. Author's Archive. (In Russian).
20. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-6. Author's Archive. (In Russian).
21. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2009) *Soglasenie mezhdu Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Respubliki Tadjikistan o sotrudnichestve v oblasti kul'tury, nauki i tekhniki, obrazovaniya, zdravookhraneniya, informatsii, sporta i turizma (Dushanbe, 19 sentyabrya 1995 god)* [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Tajikistan on cooperation in the field of culture, science and technology, education, health, information, sports and tourism (Dushanbe, September 19, 1995)]. In: *Mezhdunarodnye soglaseniya o sotrudnichestve v sfere obrazovaniya* [International agreements on cooperation in the field of education]. [Online] Available from: https://xn--80abcujibhv9a.xn--p1ai/ministry/68/file/914/%D0%9C%D0%A1_%D0%9E%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf. (Accessed 14.04.2018).
22. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-12. Author's Archive. (In Russian).
23. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4. Author's Archive. (In Russian).
24. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-2. Author's Archive. (In Russian).
25. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-13. Author's Archive. (In Russian).
26. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4. Author's Archive. (In Russian).
27. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-13. Author's Archive. (In Russian).
28. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-13. Author's Archive. (In Russian).
29. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4. Author's Archive. (In Russian).
30. Kikiani, V.A., Zdorovenko, S.I. & Bareeva, A.A. (2016) *Etnopsichologicheskie kharakteristiki detey iz semei migrantov* [Ethnopsychological characteristics of children from migrant families]. *Molodoy uchenyy*. 11. pp. 1748–1750. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/115/30561/>. (Accessed: 26.05.2018).
31. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-2. Author's Archive. (In Russian).
32. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-5. Author's Archive. (In Russian).
33. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-5. Author's Archive. (In Russian).
34. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4.1. Author's Archive. (In Russian).
35. Panfilova, E.V. (2012) *Tsennosti kul'tury dosuga studencheskoy molodezhi: rezul'taty issledovaniya* [Values of student youth leisure culture: Research results]. *Molodoy uchenyy*. 8. pp. 278–283. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/43/5192/>. (Accessed: 12.04.2018).
36. Apanasyuk, L.A. & Daniel, J.B. (2013) *Xenophobia overcoming in the course of students migrants sociocultural interaction*. *Vektor nauki TGU*. 4. pp. 193–198. (In Russian).
37. Kul'tura.RF. *Krasnaya mechet' v Tomske* [The Red Mosque in Tomsk]. [Online] Available from: <https://www.culture.ru/objects/1776/krasnaya-mechet-v-tomske>. (Accessed 12.11.2015).
38. Sarkorova, A. (2007) *Chem zhivut tadjikskie musul'mane-ismaility* [How do the Ismaili Tajik Muslims live?]. [Online] Available from: <http://blagovest-info.ru/index.php?id=15938&s=7&ss=2>. (Accessed 21.04.2018).
39. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4.1. Author's Archive. (In Russian).
40. Kozler, L.A. (2000) *Funktsii sotsial'nogo konflikta* [Functions of social conflict]. Translated from English by O. Nazarova. Moscow: Dom intelektual'noy knigi: Ideya-press.
41. Islam Today. All about Muslim World. (2012) *Sunnity i shiity. Istoricheskoe protivoborstvo* [Sunnis and Shiites. Historical confrontation]. [Online] Available from: https://islam-today.ru/islam_v_mire/turcia/sunnity_i_shiity_istoricheskoe_protivoborstvo/. (Accessed 15.06.2017).
42. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4.1. Author's Archive. (In Russian).
43. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4.1. Author's Archive. (In Russian).
44. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4.1. Author's Archive. (In Russian).
45. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-5. Author's Archive. (In Russian).
46. Pogodaev, N.P. Interv'yu with a student from Tajikistan-4.1. Author's Archive. (In Russian).
47. Pogodaev, N.P. Interv'yu with a student from Tajikistan-2. Author's Archive. (In Russian).
48. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-4.1. Author's Archive. (In Russian).
49. Pogodaev, N.P. (2015) *Competence in the Russian language as a condition of adaptation of students from Tajikistan at the universities of Tomsk. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1 (29). pp. 91–103. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/29/10
50. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-5. Author's Archive. (In Russian).
51. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-10. Author's Archive. (In Russian).
52. Khoperskaya, L.L. (2015–2016) *Trudovaya migratsiya iz Tadjikistana: novaya situatsiya* [Labor migration from Tajikistan: A new situation]. In: Stepanov, V.V. (ed.) *Migratsiya i migranty v Rossii i mire: opyt sotsial'no-antropologicheskikh i etnograficheskikh nablyudeniy* [Migration and migrants in Russia and the world: The experience of socio-anthropological and ethnographic observations]. Moscow: IEA RAS.
53. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a student from Tajikistan-7. Author's Archive. (In Russian).
54. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a head / an active member of the Tajik diaspora in Krasnoyarsk-1. Author's Archive. (In Russian).
55. Pogodaev, N.P. (n.d.) Interview with a head / an active member of the Tajik diaspora in Krasnoyarsk-1. Author's Archive. (In Russian).
56. Pogodaev, N.P. (2015–2016) *Zaboni rusii: problemy bilingvizma studentov iz Tadjikistana v tomskikh universitetakh* [The Russian language: Problems of bilingualism of students from Tajikistan in Tomsk universities]. In: Stepanov, V.V. (ed.) *Migratsiya i migranty v Rossii i mire: opyt sotsial'no-antropologicheskikh i etnograficheskikh nablyudeniy* [Migration and migrants in Russia and the world: The experience of socio-anthropological and ethnographic observations]. Moscow: IEA RAS.

Received: 05 November 2018